

Переживание будущего: жизненные перспективы людей предпенсионного возраста

Емельянова Т.П.

ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Викентьева Е.Н.

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (ФГОБУ ВО «Финансовый университет»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, e-mail: vikentieva@mail.ru

Цель. Изучение типов жизненной перспективы людей предпенсионного возраста и ряда личностных факторов, связанных с ней.

Контекст и актуальность. Актуальность работы обусловлена важностью изучения феномена жизненной перспективы в контексте значимого события — выхода на пенсию. Сложность его переживания состоит в том, что оно воспринимается как неизбежное, тревожащее и в связи с этим требует ментального освоения, конструирования прогнозов и планов. Изучение типов жизненных перспектив в их связях с ключевыми социально-психологическими особенностями предпенсионеров, финансовой тревожности как предиктора эмоционального компонента жизненной перспективы позволяет выявить сложный комплекс переживаний предстоящего выхода на пенсию, связанных с беспокоеством, тревогой и неуверенностью в будущем.

Дизайн исследования. Для выявления типов респондентов по их жизненным перспективам с использованием факторного и кластерного анализа выборка была разделена на 5 групп. Далее выявленные группы сравнивались при помощи *H*-критерия Краскела-Уоллиса и анализировались путем сравнения средних с нормативными показателями по уровням жизнестойкости и толерантности к неопределенности. В завершение с использованием регрессионного анализа исследовался характер взаимосвязи выявленных типов жизненных перспектив и финансовой тревожности.

Участники. Выборку составили 300 человек (42,3% — мужчины, 57,7% — женщины) возрастной группы 45–55 лет, проживающих на территории Центрального федерального округа Российской Федерации.

Метод. Опросник, направленный на изучение перспектив будущего выхода на пенсию (авторы — Т.П. Емельянова и Е.Н. Викентьева); скрининговая версия теста жизнестойкости С. Мадди в адаптации Е.Н. Осина; методика «Толерантность к неопределенности» Е.П. Белинской; «Шкала финансовой тревожности личности» Р. Лихи в адаптации Т.В. Дробышевой и В.А. Садова.

Результаты. Выявлены пять эмпирических типов респондентов согласно их жизненным перспективам после выхода на пенсию, которые можно условно разделить на три группы: позитивно настроенные (16,3% выборки) — их представления о будущем отличаются верой в свои силы, оптимизмом, готовностью преодолеть сложности; негативно настроенные (41,1% выборки) — перспектива пенсии сопряжена с ощущением ненужности, отчаяния, неверием в помощь извне, в планах сокращение расходов, экономия; нейтрально настроенные (42,6% выборки) — надеются на поддержку со стороны государства и родственников (26,6% из них), эмоци-

ональный фон нейтральный, у части респондентов этой группы (16%) отмечается нежелание думать о будущем. Анализ показателей жизнестойкости и толерантности к неопределенности выявил их связь с характеристиками жизненных перспектив. Обнаружено, что пониженный уровень жизнестойкости в совокупности с интолерантностью к неопределенности создают основу для восприятия перспективы жизни на пенсии как безнадежной, не зависящей от собственных усилий у многих предпенсионеров. Для них характерна и высокая финансовая тревожность.

Основные выводы. Выделение эмпирических типов респондентов предпенсионного возраста показало, что лишь небольшая часть из них строят оптимистичные перспективы в отношении жизни на пенсии, некоторые не хотят заглядывать в будущее, около четверти надеются на поддержку государства и родственников. Неверие в собственные возможности благополучной жизни после выхода на пенсию значительной части предпенсионеров, негативный или амбивалентный эмоциональный фон, отсутствие конструктивных планов создают почву для снижения уровня психологического здоровья в настоящем и будущем. Финансовая тревожность выступает предиктором по отношению к типам жизненных перспектив, как личностная характеристика она имеет тенденцию усиливать или ослаблять переживания людей в отношении их будущего на пенсии.

Ключевые слова: жизненная перспектива; предпенсионеры; представления о будущем; жизнестойкость; толерантность к неопределенности; финансовая тревожность; эйджизм.

Финансирование. Статья выполнена в рамках государственного задания № 2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений», ЕГИСУ № 1021051201850-6.

Для цитаты: Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н. Переживание будущего: жизненные перспективы людей предпенсионного возраста // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 116–133. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140208>

Experiencing the Future: Life Prospects for Pre-retirement Age People

Tatyana P. Emelyanova

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, **e-mail:** t_emelyanova@inbox.ru

Eva N. Vikentieva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, **e-mail:** vikentieva@mail.ru

Objective. *The study of the types of life prospects of people of pre-retirement age and a number of personal factors associated with it.*

Background. *The relevance of the work is due to the importance of studying the phenomenon of life prospects in the context of a significant event — retirement. The complexity of his experience lies in the fact that it is perceived as inevitable, disturbing and, in this regard, requires mental development, construction of forecasts and plans. The study of the types of life prospects in their relationship with the key socio-psychological characteristics of pre-retirees, financial anxiety as a predictor of the emotional component of life prospects, allows us to identify a complex set of experiences of the upcoming retirement associated with anxiety, anxiety, and uncertainty in the future.*

Study design. *To identify the types of respondents in terms of their life prospects using factor and cluster analysis, the sample was divided into 5 groups. Further, the identified groups were compared us-*

ing the Kruskal-Wallis H-test and analyzed by comparing the averages with standard indicators for the levels of resilience and tolerance for uncertainty. In conclusion, using regression analysis, the nature of the relationship between the identified types of life prospects and financial anxiety was studied.

Participants. The sample consisted of 300 people (42,3% — men, 57,7% — women) of the age group 45–55 years old, living in the territory of the Central Federal District of the Russian Federation.

Measurements. A questionnaire aimed at studying the prospects for future retirement (authors T.P. Emelyanova and E.N. Vikentjeva), a screening version of the S. Muddy hardness test adapted by E.N. Belinskaya, “Scale of Financial Anxiety of a Personality” by P. Leahy in adaptation by T.V. Drobysheva and V.A. Sadova.

Results. Five empirical types of respondents were identified according to their life prospects after retirement, which can be conditionally divided into three groups: positive-minded (16,3% of the sample) — their ideas about the future in retirement are distinguished by self-confidence, optimism, readiness to overcome difficulties; negatively inclined (41,1% of the sample) — the prospect of a pension is associated with a feeling of uselessness, despair, lack of faith in outside help, in plans to cut costs, save money; neutral-minded (42,6% of the sample) — they hope for support from the state and relatives (26,6% of them), the emotional background is neutral, some of the respondents in this group (16%) have an unwillingness to think about the future. An analysis of indicators of resilience and tolerance for uncertainty revealed their relationship with the characteristics of life prospects. It was found that a reduced level of hardness, together with intolerance to uncertainty, creates the basis for the perception of the prospect of life in retirement as hopeless, independent of one’s own efforts for many pre-pensioners. They are also characterized by high financial anxiety.

Conclusions. The selection of empirical types of respondents of pre-retirement age showed that only a small part of them build optimistic prospects for life in retirement. Some do not want to look into the future, about a quarter hope for the support of the state and relatives. Disbelief in their own opportunities for a prosperous life after retirement of a significant part of pre-retirees, a negative or ambivalent emotional background, and the absence of constructive plans create the basis for a decrease in the level of psychological health in the present and in the future. Financial anxiety is a predictor of types of life prospects, and as a personality trait, it tends to increase or decrease people’s feelings about their future in retirement.

Keywords: life perspective; pre-retirees; ideas about the future; resilience; tolerance for uncertainty; financial anxiety; ageism.

Funding. The study was carried out within the framework of the State Assignment no. 2021–0010 “Socio-psychological factors of the behavior of an individual and a group in the context of global changes”, USISA no. 1021051201850-6.

For citation: Emelyanova T.P., Vikentjeva E.N. Experiencing the Future: Life Prospects for Pre-retirement Age People. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 116–133. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140208> (In Russ.).

Введение

Жизненная перспектива как одна из категорий, обозначающих результат прогнозирования человеком будущего [1; 2; 3; 4; 16], — это понятие, которое в целях эмпирического исследования использовалось отечественными авторами преимущественно для изучения психологических путей и средств освоения людьми каких-

либо трудных жизненных обстоятельств или ситуаций в преддверии принятия жизненно важных решений. Анализировались ситуации, связанные с пересмотром жизненной перспективы в сложных обстоятельствах, таких, как возникшие серьезные проблемы с психологическим и соматическим здоровьем вследствие, например, участия людей в военных кон-

фликтах, в ликвидации последствий крупных техногенных катастроф [12], в условиях COVID-19 [21], при потере работы [8; 19], в ситуации безысходности [22]. Во всех этих случаях были обнаружены характерные эффекты построения жизненной перспективы. Переживание переломного события в жизни — утраты, кризиса, травмы [18] — сопровождается уменьшением перспективы планирования, снижением осмысленности, реалистичности, стратегичности, целеустремленности. У военных с ПТСР и ликвидаторов последствий радиационной катастрофы деформируется эмоциональный компонент жизненной перспективы, а именно — вера в позитивное будущее [12]. В случае эпидемии COVID-19 [21] были обнаружены противоречивые тенденции в жизненных устремлениях, связанные с деформацией эмоциональной составляющей временной перспективы. Трудные жизненные ситуации, ассоциированные с чувством безнадежности, разрушительно сказываются на видении будущего, лишая его смысла [22].

Таким образом, многие характеристики временной перспективы, конструируемой в неблагоприятных жизненных обстоятельствах, являются показателями нарушения психологического здоровья. Близкие по психологическому содержанию эффекты исследователи наблюдали при изучении особенностей жизненной перспективы людей в определенные периоды жизни [26]. Переживание кризиса середины жизни проявляется в амбивалентном отношении к своему будущему — с одной стороны, как к активному, но с другой — печальному и тревожному [9]. В старшем возрасте жизненная перспектива характеризуется большей реалистичностью, чем у младших поколений, но одновременно большей ригидностью и консерватизмом [10]. Подобная «чувствительность» феномена жизненной

перспективы к обстоятельствам жизни людей, отражение в ней актуального эмоционального статуса человека, его личностных смыслов, состояния психологического благополучия/неблагополучия, способности целеполагания и других значимых для психологического здоровья показателей заставляют рассматривать жизненную перспективу как важную составную часть переходного этапа жизненного пути — предпенсионного возраста.

Жизненная перспектива относится к числу понятий, используемых в разных отраслях психологической науки — в возрастной (становление жизненной перспективы у подростков и молодежи, у лиц старшего возраста), в общей и клинической психологии (нарушения психологического здоровья, искажение жизненной перспективы у людей с посттравматическими расстройствами, с тяжелыми соматическими заболеваниями), в психологии труда и социальной психологии (особенности гендерных групп, представителей разных профессий). Такое разнообразие направлений применения категории «жизненная перспектива» обусловило многообразие ее концептуализаций. Жизненную перспективу трактуют как целостную картину мира [6], образ будущей жизни [16; 18], совокупность обстоятельств и условий жизни [1], цепочку жизненных выборов [10; 27; 28] и т.п. В настоящей работе жизненная перспектива будет рассмотрена как совокупность представлений о собственном будущем, включающая следующие компоненты: когнитивный компонент представлений о собственном будущем — это представления о себе, своих предполагаемых ролях, желаемых активностях, облике, возможностях, окружении и т.п.; эмоционально-оценочный компонент — переживание надежды, грусти, оптимизма, уныния, воодушевления или смешанных чувств от-

носителем своего будущего. Намерения действовать определенным образом или предпенсионный компонент, который содержит планы, стратегии, желаемые результаты (разной степени ясности и осмысленности) или, напротив, растерянность, тревогу, апатию.

Предстоящий выход на пенсию — одно из ключевых жизненных событий. Оно воспринимается как переломное, неизбежное, неоднозначное в личностном плане, требующее конструирования прогнозов, планов. Предпенсионный период занимает особое место в жизни человека, он переживается через ощущение скорого завершения профессиональной деятельности, прогноз снижения своего социального статуса в позиции пенсионера [29] и уровня финансового благополучия вместе с ограничением контактов и ожиданием собственных возрастных изменений. Согласно данным, полученным в рамках социологии труда, возрастная дискриминация работников начинается ориентировочно с 45 лет — их резюме отклоняются чаще, чем кандидатов на вакансии более младшего возраста, а зарплата в среднем ниже, чем у более молодых коллег. Вследствие этого у людей старше 45 лет возникает эффект воспринимаемой дискриминации. Эмоциональный фон, на котором разворачивается перспектива будущей жизни на пенсии, амбивалентен, так как включает, кроме того, ожидание предстоящей свободы от трудовых обязанностей, возможности занятия любимым делом, активного проведения досуга и самообразования, а также другие, отчасти компенсаторные, чувства и надежды. Сложность переживания одного из ключевых жизненных событий — предстоящего выхода на пенсию — состоит в том, что оно воспринимается как неизбежное, тревожащее и в связи с этим требует ментального освоения, конструирования прогнозов и планов.

В ряде работ поднимался вопрос о психологических факторах, воздействующих на ментальный статус людей предпенсионного возраста: изучались смысловые ориентации, копинг-стратегии, субъективное благополучие, переживание личностного кризиса [13; 14]. При сравнении людей предпенсионного и пенсионного возрастов у первых обнаружены более выраженные признаки личностного кризиса [20].

Результаты исследований различных аспектов психологического здоровья людей предпенсионного возраста демонстрируют значимость такого явления, как жизнестойкость [11; 15; 17; 23; 33] — предиктора субъективного благополучия, фактора стрессоустойчивости и продуктивности трудовой деятельности [15]. Связь жизнестойкости и особенностей построения жизненной перспективы у предпенсионеров остается неизученной.

В современных обществах статус пенсионера существенно занижается из-за значимости в культуре трудовой занятости, ценности профессионализма, насаждаемого СМИ культа молодости и красоты [30]. Этому способствуют также недостаточная финансовая обеспеченность подавляющего большинства пенсионеров, внешне заметные признаки бедности. Люди предпенсионного возраста в разных странах предпринимают определенные меры по подготовке к этому этапу [25; 31], Н.К. Шлосберг [34] ввела понятие «психологическое портфолио» в преддверии выхода на пенсию, означающее особую морально-психологическую готовность, сознательно создаваемый психологический «буфер» для предотвращения негативных переживаний и обеспечения чувства психологического комфорта. Однако, даже несмотря на внутреннюю мобилизацию, тревожное состояние по поводу будущих

финансовых и социальных ограничений в жизни на пенсии тем не менее возникает со всей очевидностью [32].

В настоящем исследовании финансовая тревожность рассматривается не как реактивное состояние, возникающее в силу определенных обстоятельств, а как личностное свойство человека [7, с. 296]. «Финансовая тревожность проявляется, по словам авторов, в зависимости человека от денег, болезненном восприятии им ситуаций финансового неравенства по сравнению с другими людьми, его обеспокоенности перед потенциальной угрозой потери финансовых средств» [7, с. 309]. Являясь базовым личностным свойством, финансовая тревожность становится фактором переживания грядущего изменения социального статуса и построения дальнейшей жизненной перспективы в ситуации неопределенности. Роли финансовой тревожности как свойства личности, жизнестойкости и толерантности к неопределенности как личностных черт представляются существенными в конструировании жизненной перспективы выхода на пенсию. Выбор данных параметров исследования был обусловлен спецификой изучаемой возрастной группы, связанной с ее особым социальным и трудовым статусом.

Цель исследования состоит в изучении типов жизненной перспективы людей предпенсионного возраста и ряда личностных факторов, связанных с ней.

Задачи исследования:

1. Выявить эмпирические типы респондентов по особенностям их жизненных перспектив на пенсии.

2. Изучить взаимосвязи между типологическими особенностями жизненных перспектив и личностными характеристиками респондентов: жизнестойкостью и толерантностью к неопределенности.

3. Изучить характер воздействия финансовой тревожности на особенности

жизненных перспектив респондентов после выхода на пенсию.

Методы

Схема проведения исследования.

Респонденты анонимно заполняли опросник, направленный на изучение перспектив будущего выхода на пенсию, и методики, направленные на выявление уровней жизнестойкости, толерантности к неопределенности и финансовой тревожности.

Выборка исследования. В исследовании принимали участие респонденты ($n = 300$), проживающие в городах Центрального федерального округа России: более 1 миллиона жителей — 12,7%, от 500 тысяч до 1 миллиона — 5,3%, от 250 до 500 тысяч — 9%, от 100 до 250 тысяч — 13%, менее 100 тысяч — 50%. Пол: 42,3% — мужчины, 57,7% — женщины. Возраст: все респонденты относились к возрастной группе 45–55 лет. Образовательный статус: 51,7% имели высшее образование, 11% — два и более высших образования, 16,7% — среднее специальное, 13% — среднее. Семейный статус: женаты (замужем) — 55,3%, не женаты (не замужем) — 28%, состоят в гражданском браке — 13%, вдовец (вдова) — 3,7%. Имеют внуков — 20%. Субъективный материальный статус: 9,7% — денег хватает на еду и одежду, 42,7% могут позволить себе товары длительного пользования, 37% могут позволить себе практически все, кроме покупки квартиры.

Таким образом, выборка преимущественно состоит из респондентов, проживающих в небольших городах Центрального федерального округа России. В целом выборка достаточно гомогенна по образовательному и семейному статусу, а также по субъективной оценке своего экономического благополучия (воспринимаемого вполне позитивно).

Методики исследования: авторский опросник, содержащий 25 утверждений о прогнозировании перспективы своего будущего выхода на пенсию. Утверждения сформулированы на основе предыдущих исследований авторов [8] и анализа литературы. Психометрическая проверка показала достаточный уровень надежности-согласованности пунктов опросника (альфа Кронбаха = 0,76). Респондентам было предложено оценить суждения по 5-балльной шкале. Скрининговая версия теста жизнестойкости, адаптация Е.Н. Осина [15] теста жизнестойкости С. Мадди [33], методика «Толерантность к неопределенности» Е.П. Белинской [5], «Шкала финансовой тревожности личности» Р. Лихи в адаптации Т.В. Дробышевой и В.А. Садова [7]. Социально-демографические характеристики выборки (пол, возраст, образовательный и семейный статус, субъективный уровень материального благополучия) выявлялись при помощи анкетирования.

Результаты

Полученные данные подвергались статистической обработке с использованием пакетов прикладных программ «SPSS 23.0». Полученные данные были подвергнуты проверке на нормальность распределения с помощью Z-теста Колмогорова-Смирнова. Полученный результат показал, что данные по анализируемой выборке подчиняются закону нормального распределения.

Для решения задачи 1 была осуществлена кластеризация случаев по ответам на вопросы анкеты, направленной на изучение восприятия респондентами их будущего на пенсии и жизненных перспектив. Объем выборки и количество вопросов анкеты позволили использовать метод кластерного анализа центров. Прежде всего был применен факторный анализ методом главных

компонент, методом вращения Варимакс с нормализацией Кайзера, целью которого явилось снижение размерности исследуемых переменных. В результате расчета было отобрано семь факторов (имеющих значения, превосходящие единицу), которые были обозначены следующим образом.

Фактор 1. «Страх и безысходность». Чувства безысходности, страха, апатия, беспокойство в отношении будущего. Убежденность в ненужности пенсионеров. Финансовый план — сдача своей недвижимости в аренду (объясняет 19,8% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: *«Испытываю страх и беспокойство в отношении будущего»; «У нас пенсионеры — изгой общества».*

Фактор 2. «Тревожная позиция». Глубокие сомнения в возможности трудоустройства на пенсии. Финансовый план — сокращение расходов (объясняет 12,5% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: *«С моим опытом работы я никому буду не нужен»; «На пенсии буду жить более экономно».*

Фактор 3. «Оптимистичная позиция». Убежденность в наличии возможностей, оптимистичный взгляд на будущее, забота о физическом самочувствии. Финансовый план — подработка, работа на дому (объясняет 9% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: *«Веду активный образ жизни, стараюсь поддерживать физическую форму»; «Выйдя на пенсию, буду работать на дому».*

Фактор 4. «Проактивная позиция». Убежденность в необходимости работать на пенсии, отрицание ухода в семью и хобби, заинтересованность в своем профессиональном и социальном статусе на пенсии. Финансовый план — работать (объясняет 6% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: *«Выйдя на пенсию, планирую продол-*

жить работать, поскольку не хочу чувствовать себя человеком второго сорта»; «Трудоспособному человеку стыдно не работать, даже находясь на пенсии».

Фактор 5. «Рациональная позиция». Осуществление превентивных действий — создание финансовой «подушки», поддержание здоровья, планирование более комфортного и здорового места жительства на пенсии (объясняет 5% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: «Сейчас стараюсь создавать финансовую “подушку” для комфортной жизни на пенсии»; «Выйдя на пенсию, я планирую переехать жить за город».

Фактор 6. «Ожидание помощи». Расчет на помощь государства и родственников (объясняет 4,5% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших

в фактор: «Надеюсь на помощь государства»; «Ожидая, что на пенсии мне финансово помогут дети и внуки».

Фактор 7. «Уход». Отказ от мыслей о будущем, ориентация на сегодняшний день (объясняет 4% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: «Откладываю мысли о будущем, живу сегодняшним днем».

Полученные факторы были подвергнуты кластеризации методом К-средних. При дальнейшей обработке на основании предварительно проведенного иерархического кластерного анализа было задано 5 кластеров (как оптимальное количество). Полученные группы представляют собой эмпирические типы респондентов по их восприятию будущего и жизненным перспективам (табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по кластерам

Номер кластера	Описание кластера	Количество случаев, вошедших в кластер (%)	Группирующие факторы
1	Респонденты с негативным восприятием будущего (страхом и беспокойством)	79 (26,4%)	Фактор 1 «Страх и безысходность»
2	Респонденты с пессимистичным взглядом на будущее и не ожидающие помощи	44 (14,7%)	Фактор 2 «Тревожная позиция», Фактор 3 «Оптимистичная позиция» (с отрицательным значением), Фактор 6 «Ожидание помощи» (с отрицательным значением)
3	Респонденты, не задумывающиеся о будущем и не рассчитывающие на помощь	48 (16%)	Фактор 6 «Ожидание помощи» (с отрицательным значением), Фактор 7 «Уход»
4	Респонденты, рассчитывающие на помощь государства и семьи	80 (26,6%)	Фактор 6 «Ожидание помощи»
5	Респонденты с оптимистичным взглядом на будущее, предполагающие посвятить время семье и хобби	49 (16,3%)	Фактор 3 «Оптимистичная позиция», Фактор 4 «Проактивная позиция» (с отрицательным значением)

Примечание. Кластеры расположены по модальности эмоциональной составляющей жизненной перспективы после выхода на пенсию.

Различий между группами по полу, возрасту, семейному положению, наличию внуков, образованию, оценке субъективного материального благополучия не обнаружено (Н-критерий Краскела-Уоллиса при $p < 0,05$). Выявлены различия по месту проживания: в Группе 2 (пессимистично настроенной и не ожидающей помощи) преимущественно оказались люди, проживающие в небольших городах, население которых составляет менее 100 тысяч человек.

Таким образом, выделились эмпирические типы респондентов по особенностям жизненной перспективы после выхода на пенсию. Анализ полученных эмпирических типов показывает, что 41,1% выборки — респонденты, жизненная перспектива которых не содержит конструктивных планов и негативна в эмоциональном отношении. 26,6% — респонденты, строящие жизненную перспективу, основанную на ожидании помощи извне (семья, государство), 16% респондентов отказываются от мыслей о будущем, ориентируются на сегодняшний день и только 16,3% респондентов активно строят свою жизненную перспективу, они испытывают оптимистичные чувства в отношении будущего, поддерживают физическую форму и рассчитывают на пенсии заняться разного рода подработкой. Важно отметить, что групп, которые оптимистично воспринимали бы свои профессиональные перспективы на пенсии (Фактор 4), выявлено не было. Также не было обнаружено групп респондентов, осуществляющих целенаправленные превентивные действия по своей подготовке к выходу на пенсию (Фактор 5).

Для решения задачи 2 — описания выявленных эмпирических типов респондентов по параметрам «Жизнестойкость»

и «Толерантность к неопределенности» — был осуществлен сравнительный анализ выявленных групп респондентов (эмпирических типов) с использованием Н-критерия Краскела-Уоллиса ($p < 0,01$) по параметрам «Толерантность к неопределенности» и «Жизнестойкость», а также применена дескриптивная статистика (табл. 2).

Полученные результаты показали, что респонденты с *негативным восприятием будущего (Группа 1)* характеризуются пониженным уровнем жизнестойкости: расчет был произведен по средним значениям интегральной шкалы «Жизнестойкость» и стандартному отклонению: ср. зн. = 14,6; ст. откл. = 5,7 при границе 17 [15]. Соответственно, «базовые убеждения, образующие конструкт жизнестойкости» [15] — «Вовлеченность», «Контроль», «Принятие риска» — также имеют более низкие значения на статистически достоверном уровне (табл. 1) по сравнению с группами 3, 4 и 5. В данной группе обнаружены наиболее низкие значения по выборке по поведенческому компоненту толерантности к неопределенности (ср. зн. = 33,6; ст. откл. = 4,3).

В *Группе 2 (респонденты с пессимистичным взглядом на будущее и не ожидающие помощи)*, аналогично Группе 1, уровень жизнестойкости имеет более низкие значения по сравнению с нормативными — ср. зн. = 14,0; ст. откл. = 6,1 при границе 17 [15], образующие жизнестойкость компоненты статистически значимо отличаются от групп 3, 4 и 5 (табл. 1). Также в данной группе были выявлены наиболее высокие значения по когнитивному компоненту толерантности к неопределенности (ср. зн. = 36,0; ст. откл. = 4,5) и наиболее низкие по аффективному ее компоненту (ср. зн. = 25,8; ст. откл. = 6,1).

Таблица 2

**Результаты дескриптивной статистики и сравнение
между группами респондентов**

Параметры	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Группа 5	Хи-квадрат (<i>p</i>)
	<i>M</i> (σ)	<i>M</i> (σ)	<i>M</i> (σ)	<i>M</i> (σ)	<i>M</i> (σ)	
Толерантность к неопределенности. Когнитивный компонент	34,8 (3,4)	36,0 (4,5)	35,5 (4,4)	33,2 (3,9)	35,1 (4,3)	14,3 (0,006)
Толерантность к неопределенности. Аффективный компонент	28,2 (5,1)	25,8 (6,1)	28,0 (6,1)	29,4 (6,2)	28,9 (6,3)	14,1 (0,007)
Толерантность к неопределенности. Поведенческий компонент	33,6 (4,3)	34,5 (6,9)	36,0 (5,2)	34,9 (6)	38,0 (6,6)	17,8 (0,001)
Жизнестойкость. Вовлеченность	4,8 (2,4)	4,6 (2,4)	7,3 (2,9)	7,1 (2,8)	8,1 (3)	62,6 (0,000)
Жизнестойкость. Контроль	5,1 (2,1)	4,8 (2,4)	6,6 (2,6)	6,9 (2,5)	7,4 (2,9)	45,5 (0,000)
Жизнестойкость. Принятие риска	4,7 (1,8)	4,6 (2)	5,8 (2,2)	6,3 (2,1)	6,4 (2,5)	35 (0,000)
Жизнестойкость. Интегральная	14,6 (5,5)	14,0 (6,1)	19,6 (6,6)	20,3 (6,4)	21,9 (7,5)	57,3 (0,000)

Примечание. *M* — среднее; σ — среднее значение стандартного отклонения; *p* — уровень значимости.

Группа 3 (респонденты, не задумывающиеся о будущем и не рассчитывающие на помощь) характеризуется средним уровнем жизнестойкости — ср. зн. = 19,6; ст. откл. = 6,6 при границе 17 [15]. Значения «Базовых убеждений», образующих жизнестойкость, находятся в среднем по выборке диапазоне.

В *Группе 4 (респонденты, рассчитывающие на помощь государства и семьи)* показатели по жизнестойкости, аналогично Группе 3, находятся на среднем уровне — ср. зн. = 20,3; ст. откл. = 6,4. Значения «Базовых убеждений», образующих жизнестойкость, также входят в средний по выборке диапазон. Также в данной группе были выявлены наиболее низкие по выборке значения по когнитивному компоненту толерантности к неопределенности (ср. зн. = 33,2;

ст. откл. = 3,9) и наиболее высокие значения по аффективному компоненту толерантности к неопределенности (ср. зн. = 38; ст. откл. = 6,6).

Респонденты, вошедшие в *Группу 5 (с оптимистичным взглядом на будущее, но не предполагающие профессионально работать)*, демонстрируют наиболее высокие показатели как по уровню жизнестойкости (ср. зн. = 21,9; ст. откл. = 7,5), так и по ее компонентам. Наибольшее отличие показал компонент «Вовлеченность» (ср. зн. = 8,1; ст. откл. = 3), что согласуется с проактивной позицией в отношении жизненных перспектив у данной группы респондентов. В данной группе выявлены наиболее высокие по выборке значения по поведенческому компоненту толерантности к неопределенности (ср. зн. = 33,6; ст. откл. = 4,3).

Для решения задачи 3 с целью проверки предположения о том, что финансовая тревожность является предиктором характера жизненных перспектив в исследуемой выборке, был осуществлен линейный регрессионный анализ методом «Ввод». Построению модели предшествовала проверка данных на гомоскедастичность. Визуальный анализ диаграммы рассеяния показывает скорее однородную вариативность значений наблюдений. Показатели модели: $R = 0,32$; $R^2 = 0,1$; $F = 34,2$; $SE = 1,38$; $p \leq 0,001$. Были установлены значимые связи между шкалой «Финансовая тревожность» и эмпирическими типами респондентов по характеру их жизненных перспектив ($\beta = -0,321$; $t = -5,851$; $p = 0,000$).

В результате сравнительного анализа выявленных ранее групп респондентов (эмпирических типов) с использованием Н-критерия Краскела-Уоллиса ($p < 0,01$) были обнаружены значимые различия между группами респондентов по уровню финансовой тревожности. Анализ дескриптивной статистики показал, что в соответствии с нормативами авторов методики (0–6 – низкая, 7–13 – средняя, 14–24 – высокая) [7] у Группы 1 (респонденты с негативным восприятием будущего) уровень финансовой тревожности повышенный, у Группы 5 (респонденты с оптимистичным взглядом на будущее, но не предполагающие работать) – пониженный, у остальных групп – умеренный. Таким образом, можно констатировать, что повышенный уровень финансовой тревожности является предиктором негативного восприятия будущего на пенсии, сопровождающимся тревогой, беспокойством, прогнозом своей ненужности и убеждением в том, что пенсионеры в принципе у нас никому не нужны.

Обсуждение результатов

Выход на пенсию воспринимается как неизбежность, неопределенность будущего развития событий и предчувствие «выхода из зоны комфорта» (изменения привычного образа жизни в худшую сторону), которую люди по-разному воспринимают, в том числе в эмоциональном плане, и, соответственно, по-разному конструируют представления о ней. В выборку вошли люди, проживающие в небольших городах Центрального федерального округа России, то есть россияне, не имеющие на пенсии той социальной поддержки, которую получают жители столицы.

Важно отметить, что эмпирически выделенные группы респондентов по социально-демографическим характеристикам не различались. В результате статистической обработки данных были получены факторы, каждый из которых включал элементы, относящиеся ко всем трем компонентам жизненной перспективы. Когнитивный компонент содержит представления о ролях «Я» в грядущей ситуации, о своих возможных активностях, степени собственной значимости и финансовой независимости, социальном статусе, близком окружении и его важности для себя и т.п. Эмоционально-оценочный компонент включает аффективные аспекты представлений в структуре жизненной перспективы – переживания в отношении будущего на пенсии. Предуповеденческий компонент содержит намерения вести себя определенным образом – это планирование, разработка стратегий, готовность действовать или нежелание заглядывать в будущее, сопряженное с апатией.

Анализ представлений о предстоящей жизни на пенсии позволил выделить пять эмпирических типов, которые можно условно разделить на три группы:

позитивно настроенные (таковых обнаружилось только 16,3%), негативно настроенные (41,1% выборки), нейтрально настроенные (42,6% выборки).

Позитивно настроенные — это оптимистично ориентированные люди, образовавшие 5-ый тип респондентов (16,3% выборки). Когнитивный компонент их жизненной перспективы содержит убежденность в том, что всегда есть возможности применить свои силы и знания, они верят в себя. Жизненная перспектива воспринимается ими с оптимизмом — эмоциональный фон благоприятен. Компонент поведенческой готовности отличается конструктивностью. В преддверии будущих возрастных изменений они стараются поддерживать физическую форму и вести активный образ жизни.

Негативно настроенных предпенсionеров в нашей выборке (в сумме два типа) значительно больше. Респонденты 1-го типа (26,4% выборки) с пессимизмом оценивают свои возможности профессиональной деятельности в пенсионном возрасте, шансов найти менее квалифицированную работу они также не видят. Их образ «Я» редуцируется вместе с прогнозируемой безысходностью положения пенсионера (это изгой общества), испытывается ощущение ненужности, отчаяния. Они планируют сократить расходы и жить экономно — такова их поведенческая установка. К категории негативно настроенных относится также 2-ой тип респондентов (14,7% выборки). По содержанию когнитивного компонента жизненной перспективы они схожи с 1-ым типом. У них нет чувств отчаяния и безысходности, как у респондентов 1-го типа, но присутствует тревожное ожидание в сочетании с отсутствием надежды на помощь и поддержку извне. Поведенческая готовность заключается в неминуемом сокращении

расходов и экономии, возможной сдаче в аренду недвижимости.

Не демонстрирующие ярко выраженных аффективных переживаний респонденты самого многочисленного, 4-го типа (26,6% выборки), напротив, в перспективе пенсионной жизни надеются на поддержку извне, видят себя в роли зависимых от помощи государства и родственников людей, не способных к самообеспечению, по сути, готовящихся принять опеку семьи и государства. При этом они покорно и равнодушно принимают эту перспективу.

Необходимо заметить, что у части выборки (3-ий тип) отмечается защитная реакция «ухода» от оценки перспективы жизни на пенсии, что также не свидетельствует о психологическом благополучии. Избегая мыслей о будущем, этот тип предпенсionеров, вероятнее всего, воздерживается от негативных прогнозов или не желает их демонстрировать вовне. Так, содержание жизненной перспективы респондентов 3-ей группы (16% выборки) остается неясным. Они отказываются прогнозировать будущее на пенсии, живут сегодняшним днем, не желают зависеть от внешних обстоятельств и принимать какую-либо помощь. Возможно, этот тип респондентов просто откладывает решение неприятных проблем.

Необходимо отметить, что такого устойчивого типа респондентов, которые выстраивают рациональные стратегии: ведут проактивную политику подготовки к новому этапу жизни, создают финансовую «подушку безопасности» или предполагают продолжать профессионально работать на пенсии и уверены в своих жизненных перспективах в новом качестве пенсионера, обнаружено не было.

Рассмотренные в исследовании личностные характеристики — жизнестойкость и толерантность к неопреде-

ленности — показали устойчивую взаимосвязь с выявленными жизненными перспективами. Жизнестойкость «как валидный предиктор ... психического и соматического здоровья, субъективного благополучия и успешности в различных областях деятельности» [15, с. 42] обеспечивает установку на проактивность, возможность контроля событий и принятие негативных сценариев развития ситуации. Толерантность к неопределенности, трактуемая в данном исследовании в традиции концепции черт [24], способствует восприятию перспективы жизни на пенсии, характеризующейся неопределенностью, либо как благоприятной, либо как опасной.

Пониженный уровень жизнестойкости в совокупности с интолерантностью к неопределенности создают основу для восприятия перспективы жизни на пенсии как безнадежной, не зависящей от собственных усилий, неблагоприятной, что находит свое подтверждение в полученных результатах. Негативно настроенные респонденты демонстрируют недоверие к социуму (убежденность в том, что на пенсии они будут никому не нужны, в том числе как профессионалы) и, соответственно, такие эмоции, как тревога, беспокойство и страх. Поведенческая готовность воплощается в «пассивных» стратегиях — сдача недвижимости в аренду, сокращение расходов, экономия. Примечательно, что описанные тенденции, отражающие психологическое неблагополучие, судя по результатам исследования, имели существенно большую выраженность, чем противоположные (оптимистический настрой).

Поскольку было выявлено, что важную роль в структуре переживаний людей предпенсионного возраста играет финансовая составляющая — страх оказаться в ситуации нехватки денег [7], в

программу исследования был включен такой показатель, как финансовая тревожность. Опираясь на понимание финансовой тревожности как личностного свойства усугублять состояние тревоги в социальных взаимодействиях, связанных с финансовыми аспектами [7], различия между эмпирическими типами респондентов по восприятию жизненных перспектив, связанных с их будущим выходом на пенсию, можно описать следующим образом. Люди, тревожащиеся по поводу неопределенности своего будущего на пенсии и воспринимающие эту ситуацию в негативном ключе, демонстрируют повышенный уровень финансовой тревожности. Люди, не задумывающиеся о будущих проблемах либо ориентирующиеся на возможность помощи извне, показывают средний (адекватный) [7] уровень финансовой тревожности. Наиболее низкие значения по выборке, но находящиеся в диапазоне средних, были выявлены у респондентов, оптимистично настроенных в отношении будущего на пенсии. Таким образом, опираясь на полученный результат, свидетельствующий о том, что финансовая тревожность выступает предиктором по отношению к типам жизненных перспектив, можно утверждать, что финансовая тревожность как личностная характеристика имеет тенденцию усиливать или ослаблять переживания людей в отношении их будущего на пенсии.

Заключение

Перспектива выхода на пенсию, как показывают результаты исследования, для значительной части людей предпенсионного возраста полна переживаниями беспокойства, тревоги, неуверенности. В их основе лежат факторы как объективного, так и субъективного плана. В числе объективных — неустойчивое положение

предпенсионеров на рынке труда, маленькая пенсия в перспективе, проблемы трудоустройства пенсионеров, эйджизм в отношении общества к пожилым людям. Важное значение имеют и субъективные факторы — страх потерять работу [8], переживание личностного кризиса в связи с грядущим завершением профессиональной деятельности и скорым наступлением пожилого возраста, усугубляемые финансовой тревожностью, сниженной жизнестойкостью и нетолерантностью к ситуациям неопределенности. Как показывают

результаты исследования, большинство респондентов предпенсионного возраста пребывает в неблагоприятном или амбивалентном эмоциональном состоянии, не видит достойной жизненной перспективы в статусе пенсионера. Психологическая поддержка и личностное консультирование, помощь в обеспечении личной финансовой безопасности, повышение финансовой грамотности, юридическая помощь и другие подобные мероприятия стали бы важным подспорьем для данной категории населения.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
3. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2009. 303 с.
4. *Анциферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Институт психологии РАН, 2006. 512 с.
5. *Белинская Е.П.* Идентичность личности в условиях социальных изменений: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2006. 51 с.
6. *Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи [Электронный ресурс]. Киев: Наукова думка, 1988. 144 с. URL: <http://mirznanii.com/a/275962/zhiznennaya-perspektiva-i-professionalnoe-samoopredeleniemolodezhi> (дата обращения: 01.03.2023).
7. *Дробышева Т.В., Садов В.А.* Разработка тест-опросника «шкала финансовой тревожности личности» (на основе методики Р. Лихи) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 2(22). С. 296–320. DOI:10.38098/irpan.ser_2021_22_2_12
8. *Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н.* Переживание потери работы специалистами предпенсионного возраста // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 35–48.
9. *Ипполитова Е.А.* Особенности представлений о жизненных перспективах личности в период кризиса середины жизни: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2005. 24 с.
10. *Кухта М.П.* Основные принципы и факторы построения жизненной перспективы на разных этапах жизненного пути // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 14–26. DOI:10.26653/2076-4685-2017-3-14-26
11. *Леофьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
12. *Миско Е.А., Тарабрина Н.В.* Особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии на ЧАЭС // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 44–52.
13. Жизнестойкость молодежи и людей предпенсионного возраста, проживающих в Республике Тува / Момбей-оол С.М. [и др.] // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2021. Т. 35. С. 67–83. DOI:10.26516/2304-1226.2021.35.67
14. *Монгуш Ч.Н.* Оценка субъективного качества жизни лицами предпенсионного возраста (на примере Республики Тыва) // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. Вып. 4. 2020. № 1(59). С. 21–28. DOI:10.24411/2221-0458-2020-10028

15. *Осин Е.Н.* Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 42–60.
16. *Платонов К.К.* Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982. 309 с.
17. *Постникова М.И., Микляева А.В., Сиврикова Н.В., Регуп Л.А.* Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 87–103. DOI:10.17759/sps.2022130106
18. *Ральникова И.А.* Системная трансформация представлений о жизненной перспективе личности на переломных этапах жизненного пути // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 36–44.
19. *Ральникова И.А., Дягилева Я.О.* Потеря работы в период глобального экономического кризиса как событие, трансформирующее систему жизненных перспектив человека // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2/2(75). С. 51–55.
20. *Скрыль В.Н.* К исследованию психологических проявлений предпенсионного кризиса развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2–2. С. 89–93.
21. *Тимофеева Т.С., Беликова А.В.* Особенности восприятия жизненной перспективы в трудной жизненной ситуации (на примере пандемии COVID-19) // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 2. С. 132–142. DOI:10.15688/lp.jvolsu.2021.2.15
22. *Уваров Е.А.* Выстраивание жизненной перспективы как альтернатива состоянию безнадёжности // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 172. С. 23–34. DOI:10.20310/1810-0201-2018-23-172-23-34
23. *Фрокол А.С.* Уровень жизнестойкости людей предпенсионного возраста в Республике Тыва // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 4. Педагогические науки. 2020. № 1(59). С. 29–34.
24. *Юртаева М.Н., Глуханюк Н.С.* Психологические характеристики толерантности человека к неопределенности // Психологический журнал. 2012. Том 33. № 6. С. 50–59.
25. *Adams G.A., Rau B.L.* Putting off tomorrow to do what you want today: Planning for retirement // American Psychologist. 2011. P. 180–192. DOI:10.1037/a0022131
26. The perception of meaning of life in vital cycle: A time perspective [A percepção de sentido de vida no ciclo vital: Uma perspectiva temporal] / De Aquino T.A.A. [et al.] // Avances en Psicología Latinoamericana. 2017. Vol. 35. № 2. P. 375–386. DOI:10.12804/revistas.urosario.edu.co/apl/a.3728
27. *Elder G.H.Jr.* Perspectives on the Life Course // Life Course Dynamics / Ed. by G.H. Elder Jr. Ithaca: Cornell University Press, 1985. P. 23–49.
28. *Elder G.H.Jr., O’Rand A.* Adult Lives in a Changing Society // Sociological Perspectives on Social Psychology / Ed. by J.S. House, K. Cook, G. Fine. N.Y.: Allyn & Bacon, 1993. P. 52–475.
29. *Fraccaroli F., Deller J.* Work, Aging, and Retirement in Europe: Introduction to the Special Issue Work // Aging and Retirement. 2015. Vol. 1. № 3. P. 237–242. DOI:10.1093/workar/wav017
30. *Moen Ph.* A Life Course Perspective on Retirement, Gender, and Well-Being // Journal of Occupational Health Psychology. 1996. Vol. 1. № 2. P. 131–144.
31. Psychological foundations of financial planning for retirement / Hershey D.A. [et al.] // J. Adult Dev. 2007. № 14. P. 26–36. DOI:10.1007/s10804-007-9028-1
32. *Hershey D.A., Mowen J.C.* Psychological determinants of financial preparedness for retirement // The Gerontologist. 2000. № 40. P. 687–697. DOI:10.1093/geront/40.6.687
33. *Maddi S.R.* The personality construct of hardiness: I. Effects on experiencing, coping, and strain // Consulting Psychology Journal. 1999. Vol. 51. P. 83–94.
34. *Schlossberg N.K.* Retire Smart, Retire Happy: Finding Your True Path in Life. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2004. 183 p.

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni [Life strategy]. Moscow: Mysl', 1991. 299 p.
2. Anan'ev B.G. O problemakh sovremennogo chelovekozvaniya [On the problems of modern human knowledge]. St. Petersburg: Piter, 2001. 272 p.
3. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press, 2009. 303 p.
4. Antsyferova L.I. Razvitiye lichnosti i problemy gerontopsikhologii [Personal development and problems of gerontopsychology]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2006. 512 p.
5. Belinskaya E.P. Identichnost' lichnosti v usloviyakh sotsial'nykh izmenenii. Avtoref. diss. ... dokt. psikhol. nauk [Personal identity in the context of social change. Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2006. 51 p.
6. Golovakha E.I. Zhiznennaya perspektiva i professional'noe samoopredeleniye molodezhi [Elektronnyi resurs] [Life perspective and professional self-determination of young people]. Kiev: Naukova dumka, 1988. 144 p. URL: <http://mirznanii.com/a/275962/zhiznennaya-perspektiva-i-professionalnoe-samoopredeleniemolodezhi> (Accessed 01.03.2023).
7. Drobysheva T.V., Sadov V.A. Razrabotka test-oprosnika «shkala finansovoi trevozhnosti lichnosti» (na osnove metodiki P. Likhi) [Development of a test questionnaire “scale of financial anxiety of the individual” (based on the method of P. Leahy)]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2021. Vol. 6, no. 2(22), pp. 296–320. DOI:10.38098/ipran.sep_2021_22_2_12 (In Russ.).
8. Emel'yanova T.P., Vikent'eva E.N. Perezhivaniye poteri raboty spetsialistami predpensionnogo vozrasta [Experience of job loss by pre-retirement age specialists]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie» = RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, 2022, no. 1, pp. 35–48. DOI:10.28995/2073-6398-2022-1-35-48 (In Russ.).
9. Ippolitova E.A. Osobennosti predstavlenii o zhiznennykh perspektivakh lichnosti v period krizisa serediny zhizni. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Features of ideas about the life prospects of a person during a mid-life crisis. PhD (Psychology) Thesis]. Barnaul, 2005. 24 p.
10. Kukhta M.P. Osnovnye printsipy i faktory postroeniya zhiznennoi perspektivy na raznykh etapakh zhiznennogo puti [Basic principles and factors of building a life perspective at different stages of the life path]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki = Scientific review. Series 2. Humanities*, 2017, no. 3, pp. 14–26. DOI:10.26653/2076-4685-2017-3-14-26 (In Russ.).
11. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznesteikosti [Viability test]. Moscow: Smysl, 2006. 63 p.
12. Misko E.A., Tarabrina N.V. Osobennosti zhiznennoi perspektivy u veteranov voyny v Afganistane i likvidatorov avarii na ChAES [Features of the Life Perspective of Veterans of the War in Afghanistan and Liquidators of the Chaes Accident]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2004. Vol. 25, no. 3, pp. 44–52. (In Russ.).
13. Mombei-ool S.M. et al. Zhiznesteikost' molodezhi i lyudei predpensionnogo vozrasta, prozhivayushchikh v Respublike Tuva [Hardiness of Young People and Pre-Retirement Age People Living in the Republic of Tuva]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology]*, 2021. Vol. 35, pp. 67–83. DOI:10.26516/2304-1226.2021.35.67
14. Mongush Ch.N. Otsenka sub"ektivnogo kachestva zhizni litsami predpensionnogo vozrasta (na primere Respubliki Tyva) [Assesment of Subjective Quality of Life by People at pre retirement Age (Based on a Sample of the Republic of Tuva)]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Tuva State University. Pedagogical Sciences*, 2020. Vol. 4, no. 1(59), pp. 21–28. DOI:10.24411/2221-0458-2020-10028 (In Russ.).
15. Osin E.N. Faktornaya struktura kratkoi versii Testa zhiznesteikosti [Factor structure of the short version of the Vitality Test]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational psychology*, 2013. Vol. 3, no. 3, p. 42–60. (In Russ.).

16. Platonov K.K. Sistema psikhologii i teoriya otrazheniya [Psychology system and reflection theory]. Moscow: Nauka, 1982. 309 p.
17. Postnikova M.I., Miklyaeva A.V., Sivrikova N.V., Regush L.A. Izmeneniya zhiznesteikosti predstavitelei raznykh pokolenii rossiyan v nachale XXI veka [Changes in the Hardiness of Generations' Representatives of Russians at the Beginning of the XXI Century]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 87–103. DOI:10.17759/sps.2022130106
18. Ral'nikova I.A. Sistemnaya transformatsiya predstavlenii o zhiznennoi perspektive lichnosti na perelomnykh etapakh zhiznennogo puti [System transformation of ideas about the life prospect of the individual at the turning points of the life path]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, 2007, no. 26, pp. 36–44. (In Russ.).
19. Ral'nikova I.A., Dyagileva Ya.O. Poterya raboty v period global'nogo ekonomicheskogo krizisa kak sobytie, transformiruyushchee sistemu zhiznennykh perspektiv cheloveka [Job loss during the global economic crisis as an event that transforms the system of human life prospects]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = News of the Altai State University*, 2012, no. 2/2(75), pp. 51–55. (In Russ.).
20. Skryl' V.N. K issledovaniyu psikhologicheskikh proyavlenii predpensionnogo krizisa razvitiya [On the study of the psychological manifestations of the pre-retirement crisis of development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 6. Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations*, 2007, no. 2–2, pp. 89–93. (In Russ.).
21. Timofeeva T.S., Belikova A.V. Osobennosti vospriyatiya zhiznennoi perspektivy v trudnoi zhiznennoi situatsii (na primere pandemii COVID-19) [Peculiarities of Life Perspective Perception in a Difficult Life Situation (on the Example of the COVID-19 Pandemic)]. *Logos et Praxis*, 2021. Vol. 20, no. 2, pp. 132–142. DOI:10.15688/lp.jvolsu.2021.2.15 (In Russ.).
22. Uvarov E.A. Vystraivanie zhiznennoi perspektivy kak al'ternativa sostoyaniyu beznadezhnosti [Building a life perspective as an alternative to the state of hopelessness]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series Humanities*, 2018. Vol. 23, no. 172, pp. 23–34. DOI:10.20310/1810-0201-2018-23-172-23-34 (In Russ.).
23. Frokol A.S. Uroven' zhiznesteikosti lyudei predpensionnogo vozrasta v Respublike Tyva [Resilience of People at the Pre-retirement Age in the Republic of Tuva]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 4. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Tuva State University. Issue. 4. Pedagogical sciences*, 2020, no. 1(59), pp. 29–34. (In Russ.).
24. Yurtaeva M.N., Glukhanyuk N.S. Psikhologicheskie kharakteristiki tolerantnosti cheloveka k neopredelennosti [Psychological Characteristics of Human Tolerance to Uncertainty]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2012. Vol. 33, no. 6, pp. 50–59. (In Russ.).
25. Adams G.A., Rau B.L. Putting off tomorrow to do what you want today: Planning for retirement. *American Psychologist*, 2011, pp. 180–192. DOI:10.1037/a0022131
26. The perception of meaning of life in vital cycle: A time perspective [A percepção de sentido de vida no ciclo vital: Uma perspectiva temporal] / De Aquino T.A.A. [et al.]. *Avances en Psicología Latinoamericana*, 2017. Vol. 35, no. 2, pp. 375–386. DOI:10.12804/revistas.urosario.edu.co/apl/a.3728
27. Elder G.H.Jr. Perspectives on the Life Course. *Life Course Dynamics* / Ed. by G.H. Elder Jr. Ithaca: Cornell University Press, 1985, pp. 23–49.
28. Elder G.H.Jr., O'Rand A. Adult Lives in a Changing Society. *Sociological Perspectives on Social Psychology* / Ed. by J.S. House, K. Cook, G. Fine. N.Y.: Allyn & Bacon, 1993, pp. 452–475.
29. Fraccaroli F., Deller J. Work, Aging, and Retirement in Europe: Introduction to the Special Issue Work. *Aging and Retirement*, 2015. Vol. 1, no. 3, pp. 237–242. DOI:10.1093/workar/wav017

30. Moen Ph. A Life Course Perspective on Retirement, Gender, and Well-Being. *Journal of Occupational Health Psychology*, 1996. Vol. 1, no. 2, pp. 131–144.
31. Psychological foundations of financial planning for retirement / Hershey D.A. [et al.]. *J. Adult Dev.*, 2007, no. 14, pp. 26–36. DOI:10.1007/s10804-007-9028-1
32. Hershey D.A., Mowen J.C. Psychological determinants of financial preparedness for retirement. *The Gerontologist*, 2000, no. 40, pp. 687–697. DOI:10.1093/geront/40.6.687
33. Maddi S.R. The personality construct of hardiness: I. Effects on experiencing, coping, and strain. *Consulting Psychology Journal*, 1999. Vol. 51, pp. 83–94.
34. Schlossberg N.K. *Retire Smart, Retire Happy: Finding Your True Path in Life*. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2004. 183 p.

Информация об авторах

Емельянова Татьяна Петровна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Викентьева Ева Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (ФГОБУ ВО «Финансовый университет»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, e-mail: vikentieva@mail.ru

Information about the authors

Tatyana P. Emelyanova, Doctor of Psychology, Professor, Principal Researcher in the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Eva N. Vikentieva, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of Psychology and Development of Human Capital Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, e-mail: vikentieva@mail.ru

Получена 22.03.2023

Принята в печать 17.05.2023

Received 22.03.2023

Accepted 17.05.2023